THE ANIMAL WORLD IN CULTS AND JEWELRY OF THE PYANY BOR CULTURE: TO THE PROBLEM FORMULATION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS OF THE MONUMENTS IN THE BELAYA-SYUN' INTERFLUVE REGION)

Sergey E. Zubov

Ph.D. / Head of the Laboratory / Samara National Research University
Russian Federation, Samara / E-mail: guberfond@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1756-9773

Abstract. This article discusses the use of animal images and bone remains in burial and religious practices of the peoples, who lived on the territory of the Belaya-Syun' interfluvial region and left a number of sites with the features of the Pyany Bor archaeological culture. Analysis of the artefacts from those sites demonstrated that in the vast majority of cases their funerary rites were characterized by the use of domestic animals such as horse. The horse's body parts, which were most often used for ritual purposes, included the mandible, the skull and sometimes leg bones of various kind. Valuable examples of burial assemblages containing lots of horse remains were found on the territory of the Kipchakovo barrow burial ground. This archaeological site reflects a unique cultural and chronological stage in the formation of the Pyany Bor culture. One unusual artefact discovered on the territory of burial №3 of the aforementioned burial ground is a moose's skull with an artificially made hole in its occipital part. Unlike in funerary rites, where domestic animals were predominantly used, in religious practices wild animals played a more important role. For instance, their bone remains were taken to create magical charms and amulets. Men's amulets were often made from teeth and bones of large predators like bears and wolves, while female's charms contained skeletal parts of smaller predators: foxes, otters and martens etc. It's important to note that some cultural elements such as the tradition to use bear molar teeth in decorating men's belts existed not only in the Pyany Bor culture, but also in the neighboring Kara-Abyz culture typical for the population of the lower reaches of the Belaya river. The appearance of repoussé works with bear images (especially ones with "the bear in sacrificial posture") at the turn of the eras allows to suggest that peoples of the Belaya-Syun' interfluvial region considered this animal as their totem creature.

Key words: the Volga-Ural region, the Early Iron Age, the Pyany Bor culture, funerary rites, jewelry, repoussé works, amulets made of animal teeth and bones

Citation. Zubov S., 2021. The animal world in cults and jewelry of the Pyany Bor culture: to the problem formulation (based on the materials from the archaeological excavations of the monuments in the Belaya-Syun' interfluvial region). *Ufmskij arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald]. 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 78-88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.007>

**ЖИВОТНЫЙ МИР В КУЛЬТАХ И УКРАШЕНИЯХ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ
БЕЛЬСКО-СЮНЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ)**

Сергей Эдгардович Zubov

канд. ист. наук / старший научный сотрудник, заведующий лабораторией
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
Российская Федерация, г. Самара / E-mail: guberfond@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-1756-9773

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования останков и образов животных в погребальной и религиозно-магической практике населения, оставившего памятники пьяноборской археологической культуры Бельско-Сюньского междуречья. На основе их анализа определено, что в погребальной обрядности преимущественно использовались останки домашних животных, в частности – лошади, а при изготовлении оберегов и амулетов – кости диких животных. Появление к I в. н.э. металлопластики с медвежьими образами позволяет предполагать, что население Бельско-Сюньского междуречья воспринимало медведя как тотемного животного.

Ключевые слова: Волго-Уралье, ранний железный век, пьяноборская культура, погребальный обряд, украшения, металлопластика, амулеты из клыков и зубов животных

Цитирование. Зубов С.Э., 2021. Животный мир в культах и украшениях пьяноборской культуры: к постановке проблемы (по материалам памятников Бельско-Сюньского междуречья) // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21, № 1. С. 78-88. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.007>

В археологической практике довольно часто наблюдаются следы определенных религиозно-магических действий, связанных с домашними и дикими животными. Фиксируются некие комплексы обрядовых действий, основанных на сакральном отношении к некоторым видам животного мира. Обряды и поверья, связанные с представителями фауны, находят свое отражение в художественных образах украшений одежды, ременной гарнитуры, оберегов и пр.

На раннем этапе развития пьяноборской культуры, формирование которой происходило на территории Бельско-Сюньского междуречья (рис. 1) [Зубов, 2017. С. 426-427], особо часто встречаются элементы животного мира в культах и образы животных на бытовых предметах и украшениях.

В погребальной практике населения раннего этапа пьяноборской культуры Бельско-Сюньского междуречья прослеживаются черты верований, связанных с животным миром. Особую роль в погребальной обрядности играла лошадь. Останки лошади в виде нижних челюстей в большинстве своем коррелируются с погребальным обрядом подкурганных захоронений Кипчаковского могильника. Так, практически во всех насыпях исследованных курганов на уровне древней поверхности были обнаружены нижние челюсти лошади. По внешнему периметру угольных колец, ограничивающих погребения 12, 13 и 5 (раскоп I, 1992) с материковыми выкладками, было зафиксировано шесть наборов зубов от нижних челюстей лошадей (рис. 2). Между могилами, в зоне сильного прокала, были выявлены кальцинированные остатки черепа лошади [Зубов, 2007. Рис. 6, 1, 2]. В северной части восточного сектора кургана 52 выявлен череп лошади, вокруг которого было зафиксировано густое вкрапление угля. Челюсти и отдельные зубы лошади были зафиксированы в насыпях других курганов и в окружении погребений, чаще всего мужских. Так, в заполнении насыпи кургана 41 были обнаружены челюсти и отдельные зубы лошади. В насыпи кургана 15, на глубине от 10 до 20 см от современной поверхности выявлены зубы лошади. В слое раскопа II (1991) выявлены кости лошади – резцы и коренной зуб, копыто, бабка, обломок челюсти. В одном случае обломок нижней челюсти коня был зафиксирован на уровне выявления могильной ямы подкурганного захоронения (курган 51, погр. 4, раскоп IV). В погребальной камере были обнаружены крестец животного (лошадь?) и череп лошади без нижней челюсти. В разрушенном погребении 6 (п. 7 раскопа II по Отчету

Ф.М. Тагирова 1991 г.) среди скопления костей человека обнаружено два лошадиных зуба [Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021].

Особо следует отметить ровик кургана № 3 (раскоп I, 1992, 2006), который представлял собой замкнутую конструкцию округлой, эллипсовидной формы и включал в своем внутреннем пространстве три погребения – 6, 7, 8 [Зубов, 2010. С. 71. Рис. 4]. В южной и юго-западной части ровика в его заполнении и на дне выявлены нижние челюсти, копыта, тазовые кости, кости черепа животных, преимущественно лошадей.

Следует еще раз отметить, что использование частей лошади, преимущественно нижних челюстей, сконцентрировано в Кипчаковском могильнике, одном из самых ранних пьяноборских памятников, и в большей степени приурочено к могилам, расположенных под курганными насыпями. Между тем, использование лошади в ритуальной практике известно и на других пьяноборских могильниках. Так, останки животных в виде черепа и конечностей обнаружены в межмогильном пространстве на Камышлы-Тамакском могильнике, а череп лошади располагался над одним из самых глубоких погребений в III Кушулевском могильнике [Агеев, 1992. С. 15; Агеев, Мажитов, 1986. С. 78]. Жертвенные комплексы, содержащие черепа животных, в том числе и лошадей, по свидетельству Л.Н. Коряковой, встречаются в курганах саргатской культуры Зауралья и Западной Сибири [Корякова, 1988. С. 51]. Находки большого количества зубов лошади были зафиксированы в курганах 1, 2 Абатского могильника на юге Тюменской области [Мошкова, Генинг, 1972. С. 87, 99]. Более близкие территориально аналогии использованию нижних челюстей лошади в погребальном обряде зафиксированы в курганах II группы Шиповского курганного могильника кара-абызской культуры (раскопки И.М. Акбулатова) [Овсянников и др., 2007].

Резцы и клыки лошадей в пьяноборской ритуально-магической практике нередко использовались в качестве амулетов. В мужских погребениях 34 (п. 12 по Отчету Ф.М. Тагирова 1994 г.) и 36 (п. 44 по Отчету Ф.М. Тагирова 2001 г.) найдены по одному амулету из резца лошади с отверстием в коренной части [Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021]. В комплексе охотничьих трофеев мальчика из погребения 53 Старокиргизовского могильника был зафиксирован левый клык взрослого жеребца из верхней челюсти; в корне зуба имеется искусственное отверстие круглой формы, а конец корня зуба отрезан [Зубов и др., 2021. С. 67. Рис. 3, 20].

Рис. 1. Ареал пьяноборской культуры и синхронных археологических культур раннего железного века

Fig. 1. The area of distribution of the Pyany Bor culture and other archaeological cultures in the Early Iron Age

Аналогичный амулет был найден в погребении 337 Кушувлевского III могильника [Агеев, Мажитов, 1986. С. 94. Рис. 14, 3].

Завершая обзор свидетельств использования лошади в ритуальной практике раннепьяноборского населения, следует указать находку глиняной фигурки лошади из подъемного материала Кипчаковского городища [Зубов, 2007. Рис. 3, 10] и глиняную головку лошади из материалов Серенькинского городища [Иванов, 2003. С. 202. Рис. 6, 7].

На фоне достаточно большого количества свидетельств использования частей лошади в погребальной обрядности, вызывает интерес единственная пока находка черепа лося в насыпи кургана № 3 Кипчаковского могильника. Он был обнару-

жен в юго-западной части ровика кургана. Череп парнокопытного млекопитающего с двухотростковыми рогами был обращен мордой к площадке с погребениями, окруженной ровиком (рис. 3, 1). Часть верхней челюсти со всеми зубами срублена, в затылочной части вырублено подпрямоугольное поперечное отверстие (рис. 3, 2). Судя по характеру отверстия, оно было предназначено для установки или подвешивания черепа лося, возможно, при проведении определенных обрядов [Зубов, 2010. С. 71. Рис. 13-14]. Использование черепа лося в погребальной практике раннепьяноборского населения на настоящее время больше нигде не зафиксировано.

Рис. 2. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Надмогильные сооружения погребений 12, 13 и 5 (по: [Зубов, 2007])

Fig. 2. Kipchakovo I barrow burial ground. Elevated parts of the burial mounds 12, 13 and 5 (after: [Zubov, 2007])

Рис. 3. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. 1 – ровик кургана № 3 на уровне зачистки; 2 – фрагмент фотографии черепа лося с вырубленным отверстием (по: [Зубов, 2010])

Fig. 3. Kipchakovo I barrow burial ground. 1 – ditch of the burial mound № 3 at the ground level (after removal of the elevated part of the mound); 2 – fragment of the photo showing the moose's skull with an artificially made hole (after: [Zubov, 2007])

Значительное место в культах и украшениях населения, оставившего памятники пьяноборской культуры, занимает образ медведя. В женском погребении Кипчаковского могильника была обнаружена эполетообразная одножгутовая застежка с изображением трех медведей «в жертвенной позе» [Овсянников, Тагиров, 2011. Рис. 1, 2; Овсянников, 2013]. Пожалуй, это самое раннее изображение медведя в «классической жертвенной позе», широко распространенной на территории Верхнего Прикамья [Голдина, Кананин, 1989; Коренюк, Перескоков, 2013; Овсянников, 2013] и Зауралья [Федорова, 2000; Овсянников, 2006; Чемякин, 2006; Панкратова, 2014] в более позднюю эпоху.

Композиционно на застежке изображены три головы животных, в очертаниях которых угадываются медвежьи морды (рис. 4, 1). Основная морда медведя расположена между лап, две другие морды без лап окаймляют центральное изображение медведя. Близкое стилистическое решение наблюдается на рамчатой поясной застежке из подъемного материала Кушулевского III могильника [Овсянников, 2013. С. 80. Рис. 2, 6]. На рамке застежки расположена объемная фигура медведя с широко расставленными лапами. К рамке (близкой к восьмеркообразной форме), на которую опирается фигура медведя, прилегают два завитка, оканчивающиеся изображениями голов медведей (рис. 4, 2). Данное композиционное решение изображения трех медведей в некоторой степени близко «медвежьей» эполетообразной застежке из Кипчаковского могильника и позволяет трактовать их как изображение медведицы с медвежатами (рис. 6, 2).

В погребении 37/2012 Кипчаковского могильника была найдена бронзовая поясная застежка со стоящей на рамке фигурой медведя с широко расставленными передними лапами, поджарым телом, округлыми ушами и мордой со слабо выраженным «пяточком» (рис. 4, 3). Близкая по стилистике застежка происходит из материалов Охлебнинского могильника кара-абызской культуры (рис. 4, 4) [Пшеничнюк, 1993. С. 49, 53. Рис. 12, 18].

Медвежий сюжет зафиксирован еще в нескольких случаях цветной металлопластики, когда шпеньки рамчатых застежек с неподвижным крючком выполнены в виде голов медведя. Два сохранившихся шпенька восьмеркообразной застежки из погребения 61/1997 Кипчаковского могильника оформлены в виде голов медведя (рис. 4, 5). В виде голов медведя были сделаны два шпенька трехкольцевой застежки из погребения 32/1980 Трикольского могильника (рис. 4, 6) и шпенек круглой бронзовой застежки с неподвижным крючком из погребения 13 Уяндыкского I могильника [Пшеничнюк, 1986. Рис. 6, 10]. Близкое оформление трех шпеньков в виде голов медведя мы можем наблюдать на круглой поясной пряжке из погребения 38

Охлебнинского могильника [Пшеничнюк, 1968. Рис. 15, 4].

Амулеты из костей и зубов животных формируют еще одну группу находок пьяноборских древностей. Изделие из плюсны медведя с объемным изображением медвежьей морды и двумя сквозными отверстиями происходит из погребения 32/1994 Кипчаковского могильника (рис. 5, 2). Аналогичные изделия известны в ананьинских древностях [Корепанов, 1987. Рис. 6, 1-5]. В этом же погребении 32/1994 и погребении 8/2012 найдены амулеты из двух клыков медведя (рис. 5, 1). Боковые отверстия у оснований клыков предполагают их стяжку ремешком друг к другу. Клыки медведя были найдены в погребении 122 Кушулевского III могильника [Агеев, Мажитов, 1986. Рис. 14, 10]. В.Ф. Генинг отмечает находку амулета из медвежьего клыка в погребении 9 могильника Ныргында II из раскопок 1898 г. [Генинг, 1970. С. 29]. Можно предположить, что именно такой тип амулета послужил прообразом бронзовых «сапожковых» подвесок позднего пьяноборского времени. Аналогичные амулеты известны в погребении 37 Андреевского кургана [Гришаков, Зубов, 2009. С. 24. Рис. 25, 7]. Примечательно, что в погребении 5 Климкинского кургана I в качестве амулета были использованы когти медведя, основания которых сформованы при помощи медной фольги [Зубов, 2011. С. 82]. При публикации Кушулевского III могильника авторами отмечены находки зубов и челюсти медведя в трех погребениях – 46, 305, 318 [Агеев, Мажитов, 1986. С. 78]. Это крайне скудное упоминание не позволяет более широко прокомментировать данные находки.

Следует отметить два мужских захоронения из Кипчаковского могильника (раскоп I, погребения 63/1997 и 8/2012), в которых кожаные пояса воинов-охотников были украшены пришитыми медвежьими коренными зубами со спиленными корнями и просверленными для крепления сквозными отверстиями (Рис. 6, 1). Здесь следует отметить интересное наблюдение археозоологов В.В. Гасилина (Екатеринбург) и Н.В. Росляковой (Самара), которые при изучении набора из 39 медвежьих зубов с пояса из погребения 8/2012 определили их принадлежность к 8-9 особям. Судя по этому, такой пояс как маркер удачливого охотника формировался постепенно. Возможно, что после удачной охоты на такого свирепого зверя каждому охотнику выдавался трофей из определенного набора зубов убитого медведя в соответствии со степенью его участия в охоте. Можно допустить, что немногочисленные находки сдвоенных клыков медведя в выше отмеченных погребениях отражали особую роль охотника, нанесшего окончательный смертельный удар.

Использование коренных зубов в системе поясных украшений даже в большем количестве зафиксировано у населения кара-абызской культуры. Только в материалах Охлебнинского могиль-

ника известно десять случаев обнаружения «медвежьих» поясов, украшенных коренными зубами медведей, два случая подвесок из сдвоенных клыков и два случая по одному медвежьему клыку.¹ В пьяноборских памятниках правого берега Камы эпизодически встречаются находки обработанных коренных зубов медведя. При публикации одной из таких находок В.Ф.Генинг назвал ее свистком из медвежьего зуба [Генинг, 1970. Табл. XXIV, 14].

Медвежий мотив прослеживается также на костяных накладках колчанов. В материалах Кушулевского III (погребение 307) [Агеев, Мажитов, 1986. Рис. 14, 1] и Старокиргизовского могильников [Лифанов, Саттаров, 2018. С. 198-

199. Рис. 1] были найдены костяные накладки с двумя противоположными мордами медведя. Костяные накладки колчанов изготавливались и с изображением других зверей и, возможно, рыб, как, например, костяное изделие из Старокиргизовского могильника (погребение 21/1972) [Васюткин, 1982. Табл. 12, 21]. В целом, зооморфное оформление концов колчаных накладок носит эпизодический характер.

К единичной находке следует отнести костяную застежку, изготовленную в зооморфном стиле (рис. 5, 3). Приемник с отверстием для крепления ремня вырезан в виде головы животного, на рамке застежки сформованы лапы

Рис. 4. Застежки из памятников пьяноборской культуры.

1 – Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник, погр. 38/1994 (раскопки Ф.М. Тагирова); 2 – случайная находка на территории Кушулевского III могильника; 3 – Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник, погр. 37/2012; 4 – Охлебнинский могильник, погр. 173 (по: [Пшеничнюк, 1993]); 5 – Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник, погр. 61/1997; 6 – Трикольский могильник, погр. 32/1980

Fig. 4. Buckles from the archaeological monuments of the Pyany Bor culture.

1 – Kipchakovo I barrow burial ground, burial 38/1994 (excavations of F.M. Tagirov); 2 – Accidental discovery on the territory of Kushulevo III burial ground; 3 – Kipchakovo I barrow burial ground, burial 37/2012; 4 – Okhlebinino burial ground, burial 173 (after: Pshenichnyuk, 1993); 5 – Kipchakovo I barrow burial ground, burial 61/1997; 6 – Trikol'e burial ground, burial 32/1980

¹ В ближайшее время планируется к изданию специальная работа, посвященная медвежьей тематике в среде населения кара-абызской культуры, в частности, поясам с накладками-нашивками из медвежьих зубов.

Рис. 5. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник, погребение 32/1994 (раскопки С.Э. Зубова).
 А – план погребения; 1 – амулет из медвежьих клыков; 2 – амулет из плюсны медведя; 3 – костяная застежка; 4 – костяные наконечники стрел

Fig. 5. Kipchakovo I barrow burial ground, burial 32/1994 (excavations of S. Zubov).

А – plan of the burial; 1 – amulet made from bear fang; 2 – amulet made from bear metatarsus; 3 – bone buckle; 4 – bone arrowheads

и изображена шерсть в виде чередующихся сегментных вырезов. В плане застежка напоминает распластанный животный с головой, лапами и хвостом, выполняющим роль штыря-застежки. Можно предположить, что мастер изготовил эту застежку в виде распластанный бобра.

Возвращаясь к амулетам, следует отметить, что в пьяноборских женских погребениях они также встречаются, причем преимущественно из клыков и коренных зубов средних и мелких хищников (волк, лисица, барсук, куница, выдра и др.). Так, в погребении 14 (п. 15 раскопа II по Отчету Ф.М. Тагирова 1991 г.) Кипчаковского могильника справа и слева от черепа женщины был найден набор подвесок из 30 коренных зубов и клыков животных [Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021]. Из этого набора П.А. Косинцевым (Екатеринбург) были определены 22 зуба куницы (из них 2 клыка), 3 зуба лисицы (из них 2 клыка), 5 зубов выдры. Эта находка требует специального анализа и более внимательного рассмотрения вопросов ее атрибуции. Гораздо чаще амулеты из коренных зубов или клыков животных встречаются по одному экземпляру в погребении. В Кипчаковском могильнике обнаружены амулеты из клыков и коренных зубов средних и мелких хищников, в том числе из коренного зуба лисицы, расположенного в области головы женщины (раскоп I, 2/1992); в области головы юноши (раскоп II, 5/1994) обнаружен амулет из клыка лисицы (барсука?);

между коленей мужчины (раскоп I, 40/1994) лежал амулет из коренного зуба животного. На правобережье Камы в погребении 211 могильника Чеганда II был найден амулет из волчьего клыка [Генинг, 1970. С. 29].

В упоминавшемся уже детском захоронении 53 Старокиргизовского могильника был выявлен уникальный комплекс, состоящий из вырезанных верхних и нижних челюстей хищных животных: как минимум двух особей барсука, двух особей лисицы и одной выдры [Зубов и др., 2021. С. 67, 70. Рис. 2-4]. Авторы данной публикации трактуют эти находки как охотничьи трофеи захороненного мальчика.

Следует отметить, что амулеты из костей и зубов домашних животных представлены в гораздо меньшем количестве. Помимо отмеченных выше амулетов из клыков и резцов лошади, в женском погребении 4 Уяндыкского I могильника выявлен резец коровы со сквозным отверстием [Генинг, 1971. С. 129. Рис. 44, 7].

В.Ф. Генинг приводит данные о находке амулетов из «рыбных позвонков (Чеганда II, погр. 26)» [Генинг, 1970. С. 29]. В погребении 52 Старокиргизовского могильника также обнаружен позвонок крупной рыбы со сквозным отверстием по оси хребта. В погребении 38 (костяк 3) Уяндыкского I могильника в области груди погребенного выявлен амулет из позвонка крупной рыбы [Пшеничнюк, 1986. С. 40].

Рис. 6. Кипчаковский I курганно-грунтовый могильник. Фрагмент погребения 8/2012 (раскопки С.Э. Зубова) с поясом из зубов медведя (1). Медведица с медвежатами (фото из Internet) (2)

Fig. 6. Kipchakovo I barrow burial ground. Fragment of the burial 8/2012 (excavations of S.E. Zubov) containing the belt with bear teeth (1). Mother bear with cubs (photo from the Internet) (2)

Представленный материал никоим образом не претендует на исчерпывающее собрание свидетельств останков животных в погребальной практике пьяноборского населения и выражения их художественных образов в украшениях одежды и ременной гарнитуры.

Использование частей лошади преимущественно в мужском погребальном обряде свидетельствует об особой роли этого животного в социально-экономической сфере пьяноборского общества и роли мужчины в общественном производстве.

Судя по находкам костей диких животных на поселениях пьяноборской культуры, охота занимала немаловажное место в экономике, особенно

в качестве пушного промысла. Отражением этого являются различные амулеты, причем мужские амулеты связаны с медведем, волком, а женские — с лисицей, выдрой, куницей.

Отраженный в металлопластике образ медведя присутствует не только в мужских, но и в женских и детских захоронениях. Это, по всей видимости, может свидетельствовать о возникновении культа медведя как тотемного животного.

Таким образом, мы можем констатировать довольно широкое использование образов животных в духовной жизни населения Бельско-Сюньского междуречья, особенно на раннем этапе формирования пьяноборской археологической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушелевский могильник пьяноборской культуры // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 75-94.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1982. С. 125-144.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегандинская культура (III в. до н.э. — II в. н.э.). // ВАУ. Вып. 10. Ижевск: Удм.НИИ ИЭЛЯ, 1970. 260 с.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. — II в. н.э. // ВАУ. Вып. 11. Ижевск: Удм.НИИ ИЭЛЯ, 1971. 192 с.

Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего желез-

ного века Восточной Европы. // Археология евразийских степей. Вып. 7. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 216 с.

Зубов С.Э. Кипчаковский культурно-хронологический горизонт в системе пьяноборской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 6-7. 2007. С. 72-88.

Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. 2010. С. 64-84.

Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I-III вв. н.э.). Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. 208 с.

Зубов С.Э. Ранние памятники пьяноборской культуры в нижнем течении р. Белой // V (XXI)

Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов / Электрон. текст. дан. (36,739 Мб). Барнаул: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», 2017.

Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Рослякова Н.В., Самтаров Р.Р. Погребение мальчика-охотника из Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры // Поволжская археология. № 1(35). 2021. С. 65-77. DOI: <https://doi.org/10.24852/ра2021.1.35.65.77>.

Зубов С.Э., Самтаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский археологический комплекс // Археология евразийских степей. № 2. 2021. С. 261-300. DOI: <https://doi.org/10.24411/2587-6112-2021-10023>.

Иванов В.А. Городище Серёнкино – памятник пьяноборской культуры в низовьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. 2003. С. 199-215.

Кореньюк С.Н., Перескоков М.Л. Эволюция образа медведя «в жертвенной позе» в искусстве населения Западного Приуралья в раннем железном веке и средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2(22). С. 45-48.

Корепанов К.И. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII-III вв. до н.э. // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология / Отв. ред. А.И. Мартынов, В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 63-75.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 241 с.

Лифанов Н.А., Самтаров Р.Р. Находка резной костяной пластины в Икско-Бельском междуречье // Проблемы археологии и музееведения. Сб. статей, посвящ. памяти Н.В. Хабаровой (1955-2017). Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018. С. 198-200.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени // МИА. № 153. / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 87-118.

Овсянников В.В. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 171-179.

Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Новые находки зооморфных поясных крючков из памятников лесостепного Предуралья // Уфимский археологический вестник. № 11. 2011. С. 50-52.

Овсянников В.В. К вопросу о происхождении сюжета «медведь в жертвенной позе» в пермском зверином стиле // Вестник Пермского университета. Вып. 1(21). 2013. С. 77-83.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Панкратова Л.В. Образ медведя в металлопластике кулайской общности раннего железного века Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. С. 85-89.

Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. 3 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1968. С. 59-105.

Пшеничнюк А.Х. Исследования памятников ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях р. Белой. Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 26-44.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: УНЦ РАН, 1993. С. 32-61.

Федорова Н.В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Медведь в древних и современных культурах Сибири // Народы Сибири: история и культура / Под ред. И.Н. Гемуева, Н.А. Алексеева, И.В. Октябрьской. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 37-42.

Чемакин Ю.П. Об одном сюжете «пермского звериного стиля» // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдГУ, 2006. С. 70-75.

REFERENCES

Ageev, B.B. 1992, "The Pyany Bor culture". BNC UrO RAN, Ufa, 140 p. (In Russ.)

Ageev, B.B., Mazhitov, N.A. "III Kushulevo burial ground of the Pyany Bor culture", *Arheologicheskie raboty v nizovyah Beloj* ("Archaeological works in the lower reaches of the Belaya river"). Ufa, 1986, pp. 75-94. (In Russ.)

Vasyutkin, S.M. "Research of the burial grounds of the Pyany Bor culture in Western Bashkiria", *Priural'e v epohu bronzy i rannego zheleza* ("Cis-Urals during the Bronze Age and the Early Iron Age"). Ufa, 1982, pp. 125-144. (In Russ.)

Gening, V.F. 1970, "History of the populations of

the Udmurt Kama region during the Pyany Bor times", *Voprosy arheologii Urala*, part I, vol. 10, pp. 3-224. (In Russ.)

Gening V.F. 1971, "History of the populations of the Udmurt Kama region during the Pyany Bor times", *Voprosy arheologii Urala*, part II, vol. 11, pp. 3-158. (In Russ.)

Grishakov, V.V., Zubov, S.E. 2009, "Andreevsky burial mound in the system of archaeological cultures of Western Europe". Institut Istorii AN RT, Kazan, 173 p. (In Russ.)

Goldina R.D., Kananin V.A. 1989, "Medieval archaeological monuments in the upper reaches of the

Kama river". Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Sverdlovsk, 216 p. (In Russ.)

Zubov, S.E. 2007, "Kipchakovo cultural and chronological horizon in the system of the Pyany Bor culture", *Ufmskij arheologicheskij vestnik*, vol. 6-7, pp. 72-88. (In Russ.)

Zubov, S.E. 2010, "New aspects of the funerary rites of the early Pyany Bor population of the lower reaches of the Belaya river (based on the materials from the excavations on the territory of Kipchakovo burial ground in 2006)", *Ufmskij arheologicheskij vestnik*, vol. 10. pp. 64-84. (In Russ.)

Zubov, S.E. 2011, "Military migrations in the Middle Volga region during the Roman period (the I-III centuries BC)". LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Saarbrücken, Germany, 208 p.

Zubov, S.E. "Early archaeological monuments of the Pyany Bor culture in the lower reaches of the Belaya river", *V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s"ezd [Elektronnyj resurs]: sbornik nauchnyh trudov* ("V (XXI) All-Russian archaeological congress (Electronic resource): a collection of scientific papers"). Barnaul, 2017, pp. 426-427. (In Russ.)

Zubov, S.E., Lifanov, N.A., & Roslyakova, N.V., Sattarov, R.R. 2021, "The burial of a young male hunter of the Starokirgizovo burial ground of the Pyany Bor culture", *Povolzhskaya arheologiya*, no. 1 (35), pp. 65-77. (In Russ.)

Zubov, S.E., Sattarov, R.R., & Tagirov, F.M. 2021, "Kipchakovo I kurgan-ground burial", *Archaeology of the Eurasian steppes*, no. 2, pp. 261-300. (In Russ.)

Ivanov, V.A. 2003, "Seryon'kino settlement – a monument of the Pyany Bor culture in the lower reaches of the Belaya river", *Ufmskij arheologicheskij vestnik*, vol. 4, pp. 199-215. (In Russ.)

Korenyuk, S.N., Pereskokov, M.L. 2013, "Evolution of the bear image "in a sacrificial posture" in the art of the Western Cis-Urals population in the Early Iron Age and in the Middle Ages", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, no. 2 (22), pp. 45-48. (In Russ.)

Korepanov, K.I. "On the local difference in the animal style art in the Middle Volga and Kama regions of the VII-III centuries BC", *Skifo-sibirskij mir* ("Scythian Siberian world"). Novosibirsk, 1987, pp. 63-75. (In Russ.)

Koryakova, L.N. 1988, "Trans-Urals and Western Siberia in the Early Iron Age (the Sargat culture)". Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, Sverdlovsk, 241 p. (In Russ.)

Lifanov N.A., Sattarov R.R. "The find of a carved bone plaque from the Ik-Belaya interfluvial region", *Problemy arheologii i muzevedeniya. Sbornik statej, posvyashchennyj pamyati N.V. Khabarova (1955-2017)* ("Problems of the archaeology and museology. A collection of papers in memory of N.V. Khabarova (1955-2017)"). Volgograd, 2018, pp. 198-200. (In Russ.)

Moshkova, M.G., Gening, V.F. "Abatskoye burial mounds and their place among the forest-steppe

cultures of the Trans-Urals and Western Siberia", *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoj Sibiri sarmatskogo vremeni, Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, no. 153 ("Archaeological monuments of the Southern Cis-Urals and Western Siberia in the Sarmatian times, Materials and research on archaeology of the USSR, no. 153"). Moscow, 1972, pp. 87-118. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V. "Chased works with zoomorphic designs in the Kara-Abyz culture", *Yuzhnyj Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: Sbornik statej k 70-letiyu Anatoliya Haritonovicha Pshenichnyuka* ("The South Urals and the adjacent territories in the Scythian-Sarmatian times: a collection of papers to the 70th anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk"). Ufa, 2006, pp. 171-179. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V. 2013, "To the question of the origin of "bear in a sacrificial posture" theme in Perm animal style", *Vestnik Permskogo universiteta*, vol. 1(21), pp. 77-83. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V., Tagirov, F.M. 2011, "New finds of the belt hooks with zoomorphic designs from the archaeological monuments of the forest-steppe Cis-Urals", *Ufmskij arheologicheskij vestnik*, vol. 11, pp. 50-52. (In Russ.)

Ovsyannikov, V.V., Savelev, N.S., & Akbulatov, I.M., Vasilev, V.N. 2007, "Shipovo burial ground in the forest-steppe Cis-Urals". Gilem, Ufa, 166 p. (In Russ.)

Pankratova, L.V. "Chased works with bear images of the Kulai communion of Western Siberia in the Early Iron Age", *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo s"ezda v Kazani* ("Proceedings of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan"). Kazan, 2014, pp. 85-89. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. 1968, "Okhlebenino burial ground", *Arheologiya i etnografiya Bashkirii*, vol. 3, pp. 59-105. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. "A study of the archaeological monuments of the Ananyino culture and the Pyany Bor culture in the lower reaches of the Belaya river", *Arheologicheskie raboty v nizov'yah r. Beloj* ("Archaeological works in the lower reaches of the Belaya river"). Ufa, 1986, pp. 26-44. (In Russ.)

Pshenichnyuk, A.H. "Chronology and periodization of the burial assemblages of the Okhlebenino burial ground", *Hronologiya pamyatnikov Yuzhnogo Urala* ("Chronology of the archaeological monuments of the South Urals"). Ufa, 1993, pp. 32-61. (In Russ.)

Fedorova, N.V. "Iconography of bear in the bronze plastic art of Western Siberia (the Iron Age)", *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. Medved' v drevnih i sovremennyh kul'turah Sibiri* ("Peoples of Siberia: history and culture. The bear in ancient and modern cultures of Siberia"). Novosibirsk, 2000, pp. 37-42. (In Russ.)

Chemyakin, Y.P. "About one art motif the "Perm animal style", *Vzaimodejstvie narodov Evrazii v epohu Velikogo pereseleniya narodov* ("Interaction of peoples of Eurasia during the Migration period"). Izhevsk, 2006, pp. 70-75. (In Russ.)